

ИТАР-ТАСС. БОРИС КАВАШИН

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ: «Кто при советской власти жил, тот теперешней не боится»

Мария Кормилова

После нескольких лет невнимания критики писатель Александр КАБАКОВ номинирован на получение самой престижной российской литературной премии «Букер». Слава пришла к нему 15 лет назад, когда в своей антиутопии «Невозвращенец» он детально предсказал путч 1991 года. О своих новых прогнозах развития России, о литературе и повседневной жизни писатель рассказывает «Новым Известиям».

— Ваш номинированный на «Букер» роман называется «Все поправимо», хотя оптимизма в нем, мягко говоря, маловато...

— Какой уж оптимизм, когда тебе седьмой десяток. И я уж не говорю, что полностью эта известная фраза читается как «Все поправимо, кроме смерти». А название романа... по сюжету действительно все оказывается поправимо. Вот и сидят в эпилоге два счастливых старика в доме престарелых. Но по большому счету, роман даже не об этом. А о том, что мир за твоей спиной всегда другой. Когда ты оборачиваешься, он меняется, а ты не успеваешь увидеть перемены. Как говорят у инженеров, погрешность инструмента измерения сопоставима с измеряемой величиной...

— Вы говорили, что меркантильный герой этого романа вам менее близок, чем герои других книг. Но он наверняка вам должен импонировать хотя бы потому, что он ваш ровесник?

— Нет. Понимаете, все герои вообще похожи на своих авторов даже при всем внешнем сходстве, а уж тем более — при внешнем сходстве (как теперь пишут многие писатели, в том числе и я). Гюстав Флобер, автор «Мадам Бовари», сказал: «Эмма — это я». Анна Каренина, может быть, и похожа на каких-то современных автору женщин, но больше всего она похожа на самого Льва Николаевича в раннем возрасте.

Окончание на стр. 5

Новые известия - 2004 - 14 июля - с. 1, 5

Кабаков Александр

14.07.04

«Кто при советской власти жил, тот теперешней не боится»

Окончание. Начало на стр. 1

— В детстве ваш герой зовется «Мишка», во взрослой жизни «он», а в старости — уже «я». Будто вы смотрите на свои прежние фотографии и понимаете, что это на них запечатлелся абсолютно другой человек. Когда же у вас пролегла эта грань между «он» и «я»?

— Тогда же, когда и у моего героя. Ощущение времени у нас с ним примерно одинаковое. И самое главное, чем он на меня похож, — это внешние приметы биографии. Да, я не могу описать ту жизнь, которой не знаю и не вижу. И даже когда фантасты пишут о жизни на Марсе, они все равно описывают жизнь, похожую на ту, которую они знают. Хотя это первый мой герой, который порядочно старше меня.

— Всего на четыре года.

— Да, но он родился до войны. Знаете, какая это разница? «До войны», «во время войны» и «после войны» — это не просто разница в несколько лет.

— А стилиг, зауженные брюки, джинсы «без складок» — все это с себя рисовали?

— Я застал таких стилиг, но как их младший приятель. Повесть Аксенова «Мой младший брат» написана о таких, как я. Но самое главное различие между мной и героем — то, что он сирота, «выживлец». Вся его жизнь была положена на то, чтобы выжить, и никаких более высоких целей у него не было. Я же абсолютно благополучный человек. У меня в семье никто не погиб на войне, хотя все воевали, и это странно. Никто не был репрессирован, хотя мы евреи и вдобавок интеллигенция. У меня была законопослушная, тихая семья.

— В вашем романе есть еще тема оппозиции Америке. Значит, не так уж и спокойно жилось вам и вашему герою в послевоенные годы?

Александр КАБАКОВ родился 22 октября 1943 года в Новосибирске. Окончил механико-математический факультет Днепропетровского университета. С 1972 года работал корреспондентом в газете «Гудок». В это время опубликовал сборник бесед с деятелями культуры на экологические темы. С 1975 года публиковался как писатель-юморист. С 1988 года работал в еженедельнике «Московские новости», затем в газете «Коммерсантъ». Широкую известность приобрел в 1989 году благодаря публикации романа-антиутопии «Невозвращенец». Сегодня на его счету более 10 книг прозы, среди них — «Сочинитель» (1991), «Последний герой» (1994), «Самозванец» (1997). По романам Кабакова сняты кинофильмы «Невозвращенец» (режиссер Сергей Снежкин) и «Десять лет без права переписки» (режиссер Владимир Наумов). Его последняя книга «Все поправимо» в этом году представлена на премию «Букер».

— Оппозиции? Для нас в молодости Америка была идеалом жизни, как и для моего героя.

— Вы как-то сказали, что сталинские высотки в Москве — это копии небоскребов Нью-Йорка, своеобразный прорыв СССР в цивилизованный мир...

— Да, это очень похоже на Нью-Йорк. Сталин сделал очень много для того, чтобы ворваться в цивилизацию. Причем Европа, не считая имперской Германии, ему была неприятна, так как находилась близко. И поэтому многое снималось с Америки. Высотки, автомобили, которые делали при Сталине, — все это была американская модель. На Америку в смысле практической стороны жизни ориентироваться начал даже не Сталин, а еще Ленин. Он написал, что нам надо учиться у Форда, и всех специалистов вплоть до конца 30-х годов посылали учиться в Америку. Практическая сторона американской жизни Ленину представлялась идеальной, а идеологическая — вредной. А вот мое поколение шло дальше: «Ага, машины у них хорошие, дома у них хорошие. Так у них и музыка прекрасная, и литература великолепная, и мода». И вот эти высотки мы тогда ненавидели, не понимали, что это как бы заход с другого конца, что Сталин, по сути дела, тоже американопоклонник.

— То есть вы считаете, что Америке поклонялась вся страна, от диссидентов до вождей?

— Вообще влияние потенциального врага на Россию всегда было и будет огромно. Просто сейчас непонятно, где у нас потенциальный враг. Под влиянием Наполеона и французских идей появились декабристы, и все разумное общество девятнадцатого века, все либеральные идеи пошли оттуда. Потом во времена Сталина бешено любили немцев. Немец вообще был для русского образцом всего: работает хорошо, чист, аккуратен. Мы у немцев перенимали все: от гестапо до чудовищного послевоенного антисемитизма, которого в России не было до войны. А потом русские бешено любили и ненавидели американцев.

— Но, например, после 1812 года те же интеллигенты ужасно страдали оттого, что Франция стала врагом отечества...

— Страдали, но от этого не разлюбили Францию и вольтерьянские идеи. Наполеон ведь обещал освободить от рабства русских крестьян. И русские интеллигенты, чтобы его ненавидеть, доказывали себе, что он тиран и узурпатор.

— Что же согласно этой теории происходит в России сейчас, когда Америка перестала быть потенциальным врагом?

— Америку как раз все и разлюбили. И антиамериканизм, который сейчас разлит в воздухе, связан в большей степени с тем, что официально она больше нам не враг. Но, с другой стороны, американцы мно-

гое сделали для того, чтобы их перестали уважать. Лично я действительно разлюбил США после многих лет преданности, потому что они поступились всеми принципами либеральной империи. Сейчас их основной идеологией стала политкорректность. И это произошло после того, как там следом за всем западным миром победили революции 60-х годов: молодежная, сексуальная, этническая. Америка была свободной страной, а сейчас там нельзя произносить половину английских слов. Негр не может быть назван негром. Как обращаться к женщине-генералу, они до сих пор не могут решить: мэм или сэр.

— Но в России в этом смысле тоже не рай и тоже нельзя назвать негра негром.

— У нас? У нас пока их называют словами похуже 90 процентов населения. И лишь 10 процентов населения называют афроамериканцами. А если он не из Америки? Как же называть негра, который приехал из Ганы? Тогда можно назвать «чернокожий», но это гораздо обиднее, чем негр. И они вообще не претендуют на то, чтобы их всех называли афроамериканцами. Назовите уроженца Зимбабве афроамериканцем — он очень обидится. Америку он ненавидит. Негры-американцы для него враги, исчадие ада, ибо они несут ему либеральную цивилизацию, которую он ненавидит. По-русски негр — значит, негр. Пушкин был потомком эфиопа, негра. И я не знаю другого русского языка. По-русски Таллин пишется с одним «н». И люди живут «на Украине», а не «в Украине», потому что Украина — это, по-старому, окраина. Нельзя жить «в окраине». И нет такой республики «Беларусь», есть «Белоруссия». Если мы должны говорить «Кыргызстан», то почему Францию мы называем до сих пор Францией, а не Франс?

— О сегодняшнем состоянии общества вы не раз высказывались на страницах

газет. Сейчас авторские колонки в периодике пишут многие писатели...

— Они пишут колонки, а не работают. И потом, даже по письмам можно судить о писателе. Как говорил Коровьев у Булгакова, «да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа и убедитесь, что имеете дело с писателем».

— А вот Гоголь, например, очень мучился и скандалил, что издатель Погодин публиковал не те вещи, которые хотели авторы. Считал, что на суд публики можно выносить не каждую написанную строчку, а только выстраданную потом и кровью...

— Ну, Гоголь! Ну скандалил... Плохой характер был у человека, имеет он на это право. Если б не хотел, например, чтобы мы читали второй том «Мертвых душ», ну и сжег бы все, а не раздавал поэму друзьям по частям. Нет, у писателя жизнь плохая, как у любого публичного человека. А тактично ли читать, например, письма Пушкина? Он же их писал жене.

— Ну, Пушкина мы даже «донжуанский список» читаем...

— Это как бы наша собственная подлость. «Кто не спрятался, я не виноват». Хотя всем понятно, что это чужое письмо. А Пушкин, к сожалению, уже не может вызвать каждого на дуэль. За теперешними актерами, знаменитостями бегают папарацци. Отвратительно? Да. Я бы таких стрелял.

— И все-таки вы много лет проработали журналистом. Недавно у вас был публицистический цикл о некоей партии «Послушная страна», Хулюганове и прочих персонажах, в которых легко узнаваемы сегодняшние политические деятели. Не страшно было это публиковать?

— Знаете, кто при советской власти жил, тот теперешней власти не боится. Как ее ни обзывают, как ни поносят кровавым ре-

жимом. Те, кто так говорит, — это либо люди с очень плохой памятью, либо те, кто тогда не жил, либо сознательные лжецы. Из всего того, что было после советской власти, самое худшее — когда отнимали собственность. Но это началось не сегодня и не вчера, и даже не при Путине, хотя теперь все делают вид, что при нем. Вообще-то, НТВ отняли у Гусинского при Ельцине, которого теперь считают ангелом божьим и отцом русской демократии. Он действительно был отцом русской демократии, но никак не «ангелом божьим». К тому же сейчас идет обычный бандитизм, не отменяющий капитализм. А вот если отнимать у людей и передавать государству — тогда начнется национализация.

— На ваш взгляд, может ли литература как-то влиять на общественные процессы?

— Воспитательное свойство литературы? Думаю, его вообще не существует. Вот, например, Ленин. Он был бессистемный самоучка, но все-таки образованный человек, и читал очень много. Или Сталин. Уж он читал вообще все подряд, был записной читатель. Литература, кино, театр его безумно интересовали. Ну и как повлияло это на их нравственность? Это абсолютные выползни из ада. Порождения сатаны, сведущие в культуре.

— Но вы же сами только что говорили, что Сталин осуществил прорыв в европейскую цивилизацию.

— По-своему, да. Ну и что? А это разве хорошо? Я говорю об этике, а не о прагматизме. Сталин был черт, настоящий черт, с рогами и хвостом. Я это говорю глубоко убежденно. Он был Антихрист, а Ленин — в еще большей степени, если можно быть в большей степени антихристом и если тут можно сравнивать. Гитлер был приличный художник, но и ему это совсем не помогло стать хорошим человеком.